

Глава 4. Выздоровление

Мне кажется, я спал очень долго.

Когда я очнулся, руки и ноги, будто налитые свинцом, отказывались подчиняться. Я несколько раз пытался пошевелиться, но безуспешно. Хотел позвать на помощь, но из горла вырвался лишь хрип, который, к моему ужасу, был больше похож на рычание того волка.

Горло, видимо, было сорвано в клочья. Сколько я ни пытался, не мог издать ни звука. Тело не слушалось. Оставалось только лежать.

Пролежав так ещё некоторое время, я постепенно начал чувствовать, что мозг снова контролирует тело. Боль в правой руке, которую я поначалу не ощущал, начала медленно нарастать, словно кто-то постепенно включал болевые рецепторы. Вскоре я уже корчился и скалился от боли.

Как бы я ни старался, воспоминания о прошлой ночи начали всплывать в памяти. На мгновение я даже задумал, что умер. Ведь хоть волк и вылетел из машины, у меня было предчувствие, что он выжил. А я потерял сознание. Если бы он смог подняться, я бы проиграл.

Но, похоже, он не смог. Меня спасли. Значит, я победил.

Густой туман, старуха, волк, говорящий человеческой речью, человеческая кожа на юрте, глаза в загоне и горы трупов... Слишком много всего странного. Я закрыл глаза и прокрутил всё это в голове ещё раз.

Это место было неправильным. Не стоило сюда приезжать. Сейчас я понимал, сколько во всём этом было нестыковок. Если кожу с людей сдирал волк, откуда у него такие навыки? Если это делал человек, то что это за человек? Юрта была приманкой, но почему в ней было электричество? Степь — не беззаконная территория, почему никто не заметил столько смертей, и никто ничего не обнаружил?

Ответов не было. Я даже не был уверен, не привиделось ли мне всё это в бреду. Но как только я смогу встать, я уберусь отсюда как можно дальше.

Я выдохнул. Теперь, когда всё закончилось, стало по-настоящему страшно. Одно неверное решение, одна секунда промедления — и меня бы уже не было в живых, гнить бы мне в безвестной могиле.

Раньше мне казалось, что нет большой разницы, жив я или мёртв. Но теперь я понял, как хорошо быть живым. Когда тебя загоняют в угол, инстинкт самосохранения берёт верх, и ты цепляешься за жизнь всеми силами. Это было странное, но поучительное открытие.

Я хотел полежать ещё немного, но боль, жажда и желание сходить в туалет заставили меня открыть глаза и вернуться к реальности.

За окном было светло. Погода стояла прекрасная, голубое небо успокаивало. В комнате гудел старый вентилятор. Обстановка была скромной, и я сначала подумал, что нахожусь в доме у кого-то из пастухов. Но потом я увидел на стаканах надпись «медпункт».

Мой телефон, камера и все остальные вещи, скорее всего, остались в машине.

Я снова попытался сесть. Только я собрался позвать на помощь, как дверь открылась.

Вошла молодая девушка, похожая на медсестру. Две толстые косы, высокие скулы — типичная монгольская внешность. Увидев, что я очнулся, она посмотрела на меня так, словно увидела призрака.

— Эм, простите...

Я кашлянул, но не успел договорить. Девушка развернулась, выбежала и захлопнула за собой дверь. Звук щелкнувшего замка был таким громким, что его невозможно было не заметить.

В полном недоумении я снова лёг. Минут через десять дверь распахнулась, и в комнату ввалилась толпа мужчин, молодых и средних лет. Они окружили мою кровать и сверлили меня яростными взглядами.

«Похоже, я влип, — подумал я. — Не знаю, на что я наткнулся, но добром это не кончится»

Пришедшие вели себя шумно, переговариваясь между собой. Несколько самых крупных мужчин впереди что-то громко вещали на монгольском. Я не понял ни слова. Увидев мой растерянный взгляд, один из них сделал жест, изображающий руль, потом громко сказал «Бум!», стукнул кулаками и выругался.

Значит, авария. Но разве из-за аварии стоит поднимать такой шум?

Я хотел сказать, что не собираюсь сбежать, как вдруг в комнату протиснулся молодой человек в спортивном костюме. Он взволнованно что-то сказал главному великану. Тот нетерпеливо отмахнулся и даже грубо оттолкнул его назад.

Я попытался сесть. Лёжа я чувствовал себя совсем беспомощным, проигрывая в авторитете. Юноша, увидев, как я барахтаюсь на кровати, словно перевёрнутая черепаха, смутился.

— Эм, простите, — сказал я, — не могли бы вы мне помочь?

Толпа молча наблюдала за моими тщетными попытками. Наконец, студент подошёл и помог мне сесть, оперев на подушки.

— Я что-то ваше разбил? — искренне спросил я. — Я могу заплатить, но у меня сейчас нет денег. Вы не находили мой телефон?

— Дело не в этом, — ответил собеседник. Он повернулся к главному, поджал губы, потом снова ко мне. — Я с этим не согласен, но они настаивают на том, чтобы оставить тебя здесь.

— А? — я не успевал за ходом его мысли.

Громила снова оттолкнул парня, тот начал с ним спорить, а остальные оттащивали его назад.

— Это дикость! — вдруг закричал он, вырываясь. — Дикость!

Он перешёл на монгольский, а потом снова выкрикнул:

— Так нельзя! Я в полицию заявлю!

Если он уйдёт, я так ничего и не узнаю.

— Эй, подождите! — я протянул руку, пытаюсь его удержать. Руку пронзила острая боль. Громила посмотрел на меня так, будто собирался ударить, и я тут же отдернул конечность. — Я ничего не понимаю! Если вы не дадите ему сказать, как я узнаю, в чём дело?

Толпа снова загудела. Юноша, кажется, сообразил и что-то крикнул им. Некоторые из тех, кто его держал, с сомнением посмотрели на меня.

Главный, очевидно, был здесь за старшего. Он что-то рявкнул, и молодой человек, кипя от злости, вернулся к моей кровати.

— Что происходит? — спросил я, пока остальные продолжали буравить меня взглядами, будто преступника. — Я разбил что-то очень дорогое?

— Дело не в цене, — парень сердито потёр плечо и бросил гневный взгляд назад. — Ты врезался в наше Знамя Принцессы.

— Простите, простите.

Я тут же начал извиняться. Как накаркал: перед поездкой я читал, что нужно уважать местные обычаи. И вот, пожалуйста, по закону подлости — именно в это и вляпался.

— Я понимаю, что это для вас очень важно, — сказал я. — Мне очень жаль. Я приехал сюда как турист, и вы сами видели: вчера на меня напал волк. Он залез в машину, пытался меня загрызть, я пытался отбиться и поэтому врезался.

— Я так и сказал, — ответил собеседник, — но они не верят. Что случилось, то случилось, это не нарочно. Овец наших возместишь, и ладно, а остальное...

Он не договорил. Громила схватил его за руку, что-то быстро заговорил и указал на меня пальцем.

Юноша нехотя перевёл:

— Мой отец говорит, ты сбил Знамя Принцессы и привёл волка. Поэтому ты должен остаться в степи на год. Если в следующем году волчья стая не поглотит наши пастбища, тогда сможешь уйти.

Я открыл рот, но не смог произнести ни слова. Переводчик выглядел ещё более возмущённым, чем я. Он повернулся к отцу и начал с ним яростно спорить.

— Я... это... — видя, что он вот-вот сцепится с родителем, я, преодолевая боль, потянул его за рукав. — Я понимаю, что для вас это важно, но оставить меня здесь на год — это же нереально, правда? Посмотрите, может, есть какой-то другой способ? Я готов возместить ущерб любым доступным мне способом.

— Не волнуйся, — он, наоборот, сжал мою руку, — я им всё объясню. Деньги ты, конечно, заплатишь, а об остальном я договорюсь.

Было видно, что студент образованный и не одобряет подобные обычаи. Они с отцом начали кричать друг на друга, и к ним уже подошли разнимать. Я тоже попытался вставить пару слов, но внезапно почувствовал, что мне не хватает воздуха, а перед глазами всё поплыло.

Я попытался лечь обратно, но не успел. Изображение окончательно померкло. Я хотел позвать на помощь, но в общей суматохе на меня никто не обратил внимания. Я просто молча завалился на подушки и снова провалился в забытие.

Очнулся я уже днём. Та самая девушка, которую я видел утром, настраивала мне капельницу.

Так вот почему она заперла дверь — боялась, что я сбегу. Мне стало и смешно, и обидно одновременно. Я кашлянул.

— Лежи, — сказала она, увидев, что я очнулся. Её китайский был с сильным акцентом. — Не вставай, тебе ещё дня два лежать надо.

— Девушка, можно спросить, что со мной?

— Истощение, — ответила она. — Тебе повезло, что тебя не загрызли. Но ты, видать, не очень крепкий, организм не выдержал такой нагрузки. Ты уже почти неделю лежишь, вставать придётся потихоньку.

Звучало так, будто я совсем слабак. Мне стало немного неловко. Я сменил тему и спросил, как её зовут и где я нахожусь.

Медсестра оказалась не слишком подозрительной. Я был примерно её ровесником и не походил на злодея, так что она разговорилась.

Её звали Анар. Утреннего молодого человека — Баяртай. Он был сыном местного старосты, и они знали друг друга с детства.

Баяртай уехал учиться в другой город и приехал на каникулы. А Анар осталась во Внутренней Монголии и работала в медпункте. Это была маленькая деревня, почти у самой границы. Туристы здесь бывали редко, и такие происшествия, как моё, были в диковинку.

Она рассказала, что в это время года волки особенно активны. Несколько дней назад её дядя с другими жителями обходили загоны с факелами и фонарями. Они увидели, как моя машина кружит по степи, и подумали, что я пьян. А через несколько минут я на полной скорости влетел в их загон, врезавшись в невысокую стену.

Тут я понял, что те огоньки, которые я видел перед тем, как потерять сознание, были настоящими. Мне просто несказанно повезло.

Они вытащили меня из машины. В салоне и на капоте была кровь, но волка нигде не было. Сначала они увидели, что я задавил двух или трёх овец, и решили, что просто дождутся, когда я очнусь и заплачу. Они даже удивлялись, как мне удалось спастись из волчьей пасти.

Но когда они попытались отодвинуть машину, то обнаружили под колесом Знамя Принцессы. Древко было сломано. Дядя Анар тут же побежал к отцу Баяртая. Тот, увидев это, сразу сказал, что дело плохо. Раз знамя сломано, да ещё и из-за волка, значит, стая теперь нацелилась на них.

Я спросил Анар, что это за знамя. Когда я готовился к поездке, я ничего о нём не слышал. Она сказала, что это оберег для защиты от волков. Полотно примерно метр на полметра, с узорами и священными текстами. Его вешают у загонов, и волки не подходят.

Я спросил, о какой принцессе идёт речь. Она покачала головой, сказала, что точно не знает, только слышала, что это была принцесса, которую выдали замуж в Китай.

— Наверное, она была очень храброй и защищала овец, — добавила она.

Легенда, очевидно, была местной. Но, судя по тому, как сильно в неё верили, она существовала здесь уже давно.

Мы ещё немного поболтали. Анар была дружелюбной и, видя, что я неплохой парень, охотно отвечала на вопросы. Она даже дала мне свой телефон.

Я совершенно не помнил номер брата Ли. Хотел зайти в свой аккаунт, но забыл пароль, а телефон для подтверждения был в машине. Помучившись немного и боясь, что девушка потеряет терпение, я вернул ей аппарат и сказал, что попробую связаться с кем-нибудь завтра.

Она взяла телефон и, подумав, спросила:

— Ты был с теми людьми, что приезжали недели две назад? У них главный такой, красивый?

Брата Ли красавцем точно не назовёшь, так что это были не они. Я сказал ей правду.

— А у тебя есть их контакты? — спросил я. — Если они тоже туристы, может, помогут мне связаться с кем-нибудь.

«И вытащить меня отсюда, — мысленно добавил я»

— Есть, — улыбнулась девушка и начала листать контакты. — Они не туристы, а научная группа. Они у нас в деревне несколько дней останавливались, у меня есть контакты нескольких из них.

Я смотрел, как она ищет. Несколько контактов были подписаны «научная группа» и имя. Она показала мне два:

— Это профессор из их группы, а это — его коллега.

Я посмотрел на аватарки. У одного была каллиграфия — неразборчивая вязь иероглифов. У другого — простой, милый рисунок Снупи.

— Хочешь связаться с профессором?

Я видел, как она быстро набирает сообщение, и наклонился поближе.

— С ним, кажется, трудно договориться, — сказала Анар. — Я лучше у господина Чжоу спрошу.

Она написала тому, у кого на аватарке был Снупи. Его контакт был подписан «Господин Чжоу». Я мельком увидел историю переписки. Он отвечал ей довольно оживлённо, похоже, был общительным человеком.

Она отправила сообщение, и вскоре пришёл ответ.

— Господин Чжоу говорит, они недалеко, — сказала она. — Завтра-послезавтра смогут приехать и посмотреть, чем можно помочь.

Я вздохнул с облегчением, поблагодарил её. Мы поболтали ещё немного, пока не начало темнеть, и я сказал ей, что пора домой. Мы хорошо поладили, она помахала мне на прощание и ушла.

Я остался один. Лежать с открытыми глазами было скучно. Я закрыл их и снова уснул.

Не знаю, может, я переспал днём, но всю ночь мне снились странные, запутанные сны. Логика в них была нарушена, но каким-то образом всё связывалось воедино. Я блуждал по этим сновидениям, пытаюсь вырваться, но так и не мог проснуться.

Когда я открыл глаза, уже рассвело. Сюжеты снов быстро улетучились из памяти. Я помнил только, как мой одноклассник из университета говорил, что у меня неуд по китайскому языку, но у него есть связи, и если я понравлюсь профессору и покажу своё усердие, то пересдать не придётся.

Сон был совершенно бессвязным. Я не видел этого одноклассника уже несколько лет. Я не жил в общежитии и мало с ним общался, так что понятия не имел, почему он мне приснился.

Я пролежал в постели ещё день, а потом начал потихоньку вставать, держась за край. За это время Баяргай с отцом приходили ещё раз. Они были вдвоём, и студент снова выступал в роли переводчика.

На этот раз его отец был заметно спокойнее. Хотя лицо у него оставалось мрачным, он уже не выглядел таким взрывным. Похоже, сыну удалось его немного усмирить.

Я снова извинился, сказал, что это была вынужденная мера, и я не хотел ломать Знамя Принцессы. Отец Баяргая ответил, что он понимает, но боится, что если я уеду, в степи случится беда, и они понесут большие убытки.

— Но я же ничем не смогу помочь, если останусь! — я терпеливо пытался его убедить. — Неужели обязательно нужно, чтобы я целый год присматривал за этим знаменем? Нет другого решения?

Баяргай перевёл вопрос, и его отец покачал головой.

Теперь я понял, что имели в виду под «феодалными суевериями». Если волки действительно нападут, неужели они думают, что поклонение знамени их остановит?

Я не мог согласиться на их условия, но и отец Баяртая не уступал. Сын долго пытался его переубедить, но тот лишь отмахивался. Этот Бату был похож на железную башню — стул в медпункте казался под ним совсем крошечным. Я хотел спорить, но понимал, что если он по-настоящему разозлится, мне не поздоровится.

Пока я ломал голову, как найти компромисс, отец Баяртая что-то сказал. Сын тут же вскипел и повысил голос.

Я снова попытался их успокоить: если они начнут драться, то от одного толчка я рассыплюсь на куски. Баяртай выпалил длинную тираду на монгольском и в конце заключил:

— Дикость!

— Тише ты, — я потянул его за руку. — Что сказал старший брат Бату? Переведи мне.

— Он говорит, есть другой способ, — Баяртай бросил взгляд на отца. Бату нахмурился и игнорировал его. — Как и принцесса... Если хочешь забрать с собой несчастье, нужно выйти замуж.

— В монахи? — переспросил я. — Мне в монахи постричься?

— Выйти замуж! За другого! — поправил он. — Я сказал ему, что ты мужчина, а он...

Слова, видимо, были не из приятных, и Баяртай не стал их пересказывать.

«Я догадался, что-то вроде «смазливой мордашки», — подумал я»

Мне очень хотелось, чтобы он всё-таки поругался с отцом. Тот это заслужил.

И снова мы разошлись ни с чем. Я смотрел из окна палаты и думал: может, сбежать ночью? Если я найду свою машину, то, даже побитая, она, скорее всего, ещё заведётся.

С этой мыслью я подошёл к двери и дёрнул ручку. Отец Баяртая, уходя, снова запер её. От злости у меня зашумело в голове. В тот вечер я лёг спать уже в девять часов.

<http://bllate.org/book/13479/1663330>